

Научная статья

УДК 316

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-223-228

НОВОЕ ОДИНОЧЕСТВО КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Наталья Халиловна Гафиатулина¹, Геннадий Александрович Воробьев²,
Александр Михайлович Шевченко³

¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, gafiatulina@yandex.ru,
<https://orcid.org/orcid/0000-0002-7548-1350>

²Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия, vorobyev@pgu.ru,
<https://orcid.org/orcid/0000-0003-1888-9816>

³Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия,
xutorniva@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена социологическому осмыслению нового одиночества, актуализировавшегося в период пандемии и ставшего одним из факторов, влияющих на социальное самочувствие российского общества в условиях введения целого ряда ограничительных мер. Новое одиночество связано с ощущением утраты социальных связей и отношений, а также с дискриминацией различных групп населения во многих социально значимых сферах жизнедеятельности в условиях пандемии. В целях преодоления нового одиночества и улучшения социального самочувствия российского общества в период введения ограничительных мер, необходимо дальнейшее развитие и распространение института волонтерства, а также разработка механизмов, внедряющих элементы социальной солидарности в обществе.

Ключевые слова: социальное самочувствие, российское общество, население, новое одиночество, социальное одиночество, социальные ограничения, ограничительные меры, дискриминация, пандемия

Для цитирования: Гафиатулина Н. Х., Воробьев Г. А., Шевченко А. М. Новое одиночество как фактор влияния на социальное самочувствие российского общества в условиях ограничительных мер в период пандемии // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 223–228. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-223-228>.

Sociology Problems

Original article

NEW LONELINESS AS A FACTOR OF INFLUENCE ON THE SOCIAL WELL-BEING OF THE RUSSIAN SOCIETY UNDER CONDITIONS OF RESTRICTORY MEASURES DURING THE PANDEMIC PERIOD

Natalya Kh. Gafiatulina¹, Gennady A. Vorobyev², Alexander M. Shevchenko³

¹Southern federal university, Rostov-on-Don, Russia, gafiatulina@yandex.ru,
<https://orcid.org/orcid/0000-0002-7548-1350>

²Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia, vorobyev@pgu.ru, <https://orcid.org/orcid/0000-0003-1888-9816>

³Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia, xutorniva@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the sociological understanding of the new loneliness, which became actual during the pandemic and became one of the factors affecting the social well-being of Russian society in the context of the introduction of a number of restrictive measures. New loneliness is associated with a sense of loss of social ties and relationships, as well as discrimination against various groups of the population in many socially significant areas of life in a pandemic. In order to overcome the new loneliness and improve the social well-being of Russian society during the period of the introduction of restrictive measures, it is necessary to further develop and spread the institution of volunteering, as well as develop mechanisms that introduce elements of social solidarity in society.

Keywords: social well-being, Russian society, population, new loneliness, social loneliness, social restrictions, restrictive measures, discrimination, pandemic

For citation: Gafiatulina N. Kh., Vorobyev G. A., Shevchenko A. M. New loneliness as a factor of influence on the social well-being of the Russian society under conditions of restrictory measures during the pandemic period. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(1):223–228. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-223-228>.

В ряду многочисленных и разнообразных жизненных проблем человека (семейно-бытовых, экономических, медико-социальных и др.) все чаще встречаются новые проблемы, лежащие в сфере социальной и психической жизнедеятельности и оказывающие влияние на социальное самочувствие российского населения [1]. Данные проблемы детерминированы возникающими социально-травмирующими и стресс продуцирующими вызовами, брошенными современному российскому обществу, к числу которых сегодня относятся новые вызовы, связанные с социальными ограничительными мерами, введенными в обществе в период пандемии. Данные ограничительные меры несут за собой определенные риски и становятся благодатной почвой, оказывающей негативное влияние на социальное самочувствие населения и культивирующей появление новых социально-психологических состояний в качестве реакции на такой серьезный вызов как пандемия.

И одной из таких серьезных и распространенных общесоциальных проблем человечества является дающее о себе знать т.н. «новое одиночество», вызванное раздроблением внутри общества и воспринимаемое индивидом как угроза, т.к. «человечество развивалось таким образом, что социальные связи очень важны для социального благополучия»¹. Это новое одиночество может быть вызвано противоречиями между коллективным началом человека и усилением индивидуализма; потребностями индивида и его возможностями; необходимостью реализовать свой личностный потенциал как субъекта социальных отношений и барьерами к его реализации, что обуславливается императивными требованиями, связанными с социальными ограничениями.

Проблема одиночества как особого социально-психологического явления выступает в качестве объекта исследования ряда гуманитарных и общественных наук, изучающих индивида, социальные группы и общество в целом. На сегодняшний день одиночество, будучи многомерным и сложным социально-психологическим явлением, имеет достаточно длительную историю и множество научных интерпретаций исходя из разных подходов.

Однако в свете социальных ограничений, продиктованных условиями пандемии, вырисовывается несколько иное понимание одиночества, т.н. новый формат одиночества, в определенной степени отличный от его традиционного семантического наполнения. Этот формат нового одиночества, с одной стороны, связан с ощущением минимизации, утраты социальных связей и отношений; с другой – с дискриминацией различных групп населения во многих социально значимых сферах жизнедеятельности (образовании, здравоохранении, трудовой занятости, социальной поддержке и пр.).

Как показало исследование смыслового поля понятия «одиночество» в современной научной литературе, актуальной в рамках данной работы, его новая форма сопряжена с вопросами:

- вынужденной изоляции, связанной с новыми условиями жизнедеятельности пандемийного социума и детерминированной внешними факторами, связанными с прекращением привычных социальных отношений человека с окружающими и дефицитом качественных (значимых) связей и социальной коммуникации [2; 3; 4];

- редуцирования или замены непосредственной социальной коммуникации, в условиях тотальной информатизации и компьютеризации, на сетевые Интернет-коммуникации, в которых депривируются когнитивная («актуальное знание»), эмоционально-чувственная и психосоциальная составляющие социального самочувствия [5; 6; 7];

- неудовлетворенности существующими условиями жизни, связанными с «быстрой переориентацией общества на новые ценности», а также исключением индивида из определенного сообщества или ограниченными возможностями взаимодействия (невозможность удовлетворить мотив социальной аффилиации), дискриминацией различных групп населения российского общества, что вызывает тягостное состояние одиночества и отрицательно сказывается на социальном самочувствии [3; 8; 9].

А каким образом характеризуется социальное самочувствие населения?

Согласно исследованиям М.К. Горшкова, СС общества «проявляется в ряде общих закономерностей: оно всегда социально по содержанию, имеет своих конкретных носителей, а также зависит от степени разрешимости социальных проблем и противоречий, удовлетворения социальных интересов, преломляющихся через психику, сознание и определяющих действие индивидов» [10, с. 305-306].

Социальное самочувствие проявляется в особенностях психосоциального, чувственно-эмоционального отклика личности на те или иные воздействия, трансформационные изменения, общественные события любого характера. И в данном контексте пандемия, повлиявшая и на общественный

¹ Новое одиночество: как коронавирус меняет наши отношения [Электронный ресурс] <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/249227-social-distancing-in-times-of-coronavirus?from=readmore>

порядок в целом, а также связанные с ней ограничения, имеют непосредственное отношение к трансформационным изменениям уклада и образа жизни; снижению уровня и качества жизни российского населения.

Прежде чем вести речь о новой форме одиночества как факторе влияния на социальное самочувствие российского общества в условиях введения ограничительных мер, необходимо обратить взор на саму систему ограничений.

Система социальных ограничительных мер, сопряженных с противодействием распространению COVID-19, была учреждена Указом Президента РФ, который делегировал полномочия и вменил в обязанности высшего руководства каждого регионального сообщества решать задачи, связанные с разработкой, обеспечением и реализацией целого комплекса мероприятий, носящих ограничительный характер. В числе данных мероприятий: положения о повышенной готовности и самоизоляции населения; запреты на проведение массовых мероприятий; ограничения по времени посещения мест общественного питания; запрет или ограничения в отношении посещения культурных и просветительских мероприятий; ограничения на перемещение различных слоев российского населения вне места жительства; перевод на удаленный формат работы; обязательное ношение лицевых масок в общественных местах; ограничение личных контактов; соблюдение социального дистанцирования населения и пр.¹ В отношении последнего ограничения, призывающего к соблюдению «социальной дистанции», стоит отметить, что данный термин выбран неудачно, как подчеркивает А.В. Торкунов, термин «фактически обосновывает идею разобщения людей и разделения общества, дает возможность для дискриминации» [11].

Все эти ограничительные меры указывают на тот факт, что в сфере глобального пандемийного социального пространства, межличностные взаимоотношения отдельных индивидуумов, их субъективное мировосприятие и социальное самочувствие утрачивают свое первостепенное значение по сравнению с государственными и общественными интересами «по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения».

Помимо «отображения негативной тенденции к увеличению числа ощущающих себя одинокими людьми вследствие ограничений», исследователи обнаружили корреляцию одиночества и появление суицидальных мыслей, сопряженных с утратой привычного уклада жизни в условиях анонимного общества [2].

В более ранних социологических и психологических очерках одиночества Н.Е. Покровский и Г.В. Иванченко обратили пристальное внимание на аномию, представляющую собой «ценностно-нормативный вакуум» и составляющую типичный фон одиночества современной социальной реальности. Авторы подчеркивают, что «аномия позволяет подвести под категорию одиночества прочную основу современной социальной теории» [3, с. 191].

А само явление одиночества «представляет собой широкую социокультурную категорию, которая в самом общем виде отражает присущий личности страх перед социально-психологической изоляцией и разрывом общественных связей, составляющих суть жизненного мира» [3, с. 11]. Именно социальная изоляция, карантинные мероприятия и иные ограничения в период пандемии как императивные требования со стороны мер, предпринимаемых на государственном и региональном уровнях, по нашим представлениям, стали триггерным механизмом, запустившим изменения в социальном самочувствии российского населения и повлекшим возникновение нового одиночества.

На возникновение чувства одиночества и неудовлетворенности среди российского населения, согласно социологическим опросам, проведенным РАН, существенное влияние, среди прочих, оказали в первую очередь такие ограничения, как дистанционное образование и самоизоляция [9, с. 750].

И.Н. Конарева и М.И. Сергиенко, находя взаимосвязь между социальным самочувствием и одиночеством, подчеркивают, что переживание одиночества имеет две стороны медали: это чувство (самочувствие), «выражающее определенную форму самосознания, показывающее раскол основной сети отношений» и связей внутреннего мира личности «в ситуации эмоциональной и социальной изоляции»; при этом «первая ситуация определяется дефицитом эмоциональных отношений, а вторая – отсутствием доступного круга социальных связей для общения» [12, с. 182–183].

Новейший философский словарь рассматривает и объясняет одиночество как «состояние и ощущение человека, находящегося в условиях реальной или мнимой коммуникативной депривации» [13], иными словами, в ситуации лишения и утраты социальных связей, или в состоянии

¹ Указ Президента РФ от 02.04.2020. №239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории РФ в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // СЗ РФ, №14 (ч.1). Ст. 2082.

изоляции от общества. Требования, связанные с социальными ограничениями, отражаясь на социальном самочувствии населения, вызывают чувство одиночества и изолированности от общества и интерпретируются как форма «деструктивного самовосприятия», ибо «одиноким человек чувствует себя заброшенным, забытым, ненужным», расценивает «свое существующее положение как катастрофу» [14, с. 179] и испытывает признаки тревоги, депрессии и дискриминации в отношении самореализации себя в обществе.

Так, например, в результате проведенных опросов, зарубежные исследователи Дж. Хьонг, О. Липсиц и др. в 2020 г. констатировали значительное ухудшение психосоциального самочувствия по гендерному признаку (у большинства представительниц женского пола) и социально-групповому основанию (среди молодежи) [15]. Они указали на относительно высокие показатели признаков тревоги у этих групп населения (от 6,33% до 50,9%), депрессии (от 14,6% до 48,3%), дистресса (от 34,43% до 38%) и ощущения чувства одиночества, вызванными множеством социальных ограничений, а также частыми и длительными по времени пребываниями в социальных сетях/новостных каналах, в т.ч. касающихся пандемии [15].

А ведь еще более 10 лет назад российский исследователь А.О. Смирнова писала о социальном одиночестве как все более распространенном феномене современной жизни в свете информатизации и компьютеризации в условиях социально-экономических и политических трансформаций, протекающих в обществе. Автор указала на парадоксальность все большего расширения круга одиноких людей среди разных слоев населения, «несмотря на стремительные темпы развития всех без исключения коммуникационных сетей (телефонизация, мобильная связь, СМИ, Интернет и т.п.)» [5, с. 161]. И с этим трудно не согласиться, поскольку сегодня многие индивиды чувствуют, что они как одинокие «винтики» в механизме глобального мирового сообщества и пандемии, изменившей их жизненный уклад и повлиявших на социальное самочувствие. Даже частичный перенос образовательного процесса отражается на СС детей и молодежи, о чем свидетельствуют исследования. Так, О.А. Кислицына, делая выводы относительно результатов проведенного исследования, касающегося негативных последствий пандемии для здоровья населения, выразила особую обеспокоенность в отношении социально-психологического самочувствия детей и молодежи, вынужденных обучаться в удаленном формате посредством ИКТ. Так, О.А. Кислицыной отмечено, что у ¼ части детей появились новые страхи; у обучающихся обнаружилась «потеря работоспособности к обучению; изоляция от социальной поддержки, снижение социального взаимодействия» и пр. [6].

Согласно социологическим опросам 2021 г., проведенным М.К. Горшковым и И.О. Тюриной, обнаружена тенденция, свидетельствующая в пользу «усиления ощущения непреодолимости структурных ограничений, препятствующих реализации индивидуальных устремлений, а также о накоплении социального недовольства» [10, с. 745]. При этом «соотношение позитивного и негативного в психоэмоциональном состоянии общества – свидетельство неопределенности и противоречивости социального самочувствия россиян» [9, с. 745].

Серьезной детерминантой противоречивости СС и наряду с ним переживания нового одиночества, является отсутствие удовлетворенности социальными связями в период пандемии, невзирая на насущную потребность в социальной коммуникации. Так, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представил данные опроса о социальном самочувствии российского населения в 2020–2021 гг., согласно которому: «к концу 2020 года россияне чаще удовлетворены или частично удовлетворены жизнью, которую они ведут – 47%»; отчасти не удовлетворены «своей жизнью 25% россиян»; «не устраивает актуальная ситуация в их жизни 26% опрошенных». В целом, «индекс удовлетворенности жизнью составил 46 пунктов, что на 6 пунктов ниже, чем в прошлом декабре», т.е. в декабре 2020¹.

Согласно социологическим исследованиям Н.В. Латовой, большая часть опрошенных (60%) полагала, что общество далеко от социального благополучия, причем в сравнении с 2020-м годом «наблюдается снижение позитивных оценок и рост суждений, определяющих ситуацию как напряженную и кризисную» [16, с. 40], отражающуюся на социальных настроениях и самочувствии российского населения. Наиболее мрачные «оценки (преобладание ответов «ухудшилось») россияне дали четырем сферам: уровень жизни населения (68%), состояние экономики страны (62%), моральное состояние общества (56%) и ситуация в социальной сфере (49%)». Отрицательные оценки первых двух сфер, по мнению Н.В. Латовой, «более чем ожидаемы после падения занятости» по причине локдаунов, сокращений, переводов на неполный рабочий день и увольнений.

¹ Социальные настроения: мониторинг // ВЦИОМ. 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-nastroeniya-monitoring>

«Именно социальная сфера», по справедливому замечанию автора, «оказалась под ударом в новой коронавирусной реальности: здравоохранение столкнулось с проблемой дефицита койко-мест, врачей и поиска новых форм лечения, образование – с трудностями образовательного процесса в дистанционном формате. Почти половина россиян отметила ухудшение в этой сфере». Что же касается ухудшения социального самочувствия и «морального состояния общества, то данное явление», как подчеркивает Н.В. Латова, «оценивалось россиянами как некая негативная тенденция предыдущего развития отечественного социума» [16, с. 44] и, по нашему мнению, усугубилось социальным кризисом в условиях введения ограничительных мер в период пандемии. Этот факт констатируют и зарубежные исследователи М. Дэйли, А. Сатин и Е. Робинсон, чей дополнительный анализ показал, что рост проблем с психическим и социальным здоровьем, наблюдаемый во время пандемии, никак не связан с сезонностью или ежегодными колебаниями – это результат массовых ограничений [17].

Таким образом, исходя из всего, сказанного выше, можно умозаключить, что «живая», непосредственная социальная коммуникация – важнейший фактор и залог хорошего социального самочувствия, а также фактор, профилирующий возникновение нового одиночества.

Новое одиночество, будучи суровой реальностью современного пандемийного общества, оказывает пагубное влияние на социальное самочувствие населения, поскольку от изоляции, социального дистанцирования, дефицита социально значимых связей, замены непосредственной социальной коммуникации сетевыми Интернет-коммуникациями, дискриминацией в социально значимых сферах жизнедеятельности – страдают различные группы населения и общество в целом. Для преодоления нового одиночества и улучшения СС российского общества в период введения ограничительных мер, необходимо «формирование института социальных контактов» [3, с. 910], дальнейшее развитие и распространение института волонтерства, а также разработка механизмов, внедряющих элементы социальной солидарности в обществе.

Список источников

1. Karapetyan E.A., et al. Cyber socialization as a factor of influence on the social health of student youth in a modern educational environment under the development of a global information society // Revista Género e Direito. 2020. Т. 9. № 4. С. 830-845.
2. Иоселиани А.Д., Анисимов Е.С. Одиночество в пандемии COVID-19 // Манускрипт. 2021. Т.14. Вып. 5. С. 908-911.
3. Покровский Н.Е., Иванченко Г.В. Универсум одиночества: социологические и психологические очерки. М.: Логос, 2008. 424 с.
4. Касьянов В.А. Российское население в условиях режима самоизоляции: анализ депривационного влияния на социальное здоровье // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. №2. С. 204-208.
5. Смирнова А.О. Социальное одиночество: сущность, типы, причины, методы преодоления // Вестник РГГУ. 2010. №3 (46). С. 161-175.
6. Кислицына О.А. Долгосрочные негативные последствия пандемии covid-19 для здоровья населения // Социальные аспекты здоровья населения. 2021. №67 (4) С. 1-42.
7. Тезаурус социологии: темат. слов.-справ. / под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2009. 487 с.
8. Сорочкий М.С. Виртуальное общение: социальные сети – одиночество или исповедальность? // Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого. 2012. №14 (133). С. 227-132.
9. Горшков М.К., Тюрина И.О. Состояние и динамика массового сознания и поведенческих практик россиян в условиях пандемии COVID-19 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 4. С. 739-754.
10. Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М.: Новый хронограф, 2011. 672 с.
11. Пандемия covid-19: Вызовы, последствия, противодействие / под ред. А.В. Торкунова. М., 2021.
12. Конарева И.Н., Сергиенко М.И. Особенности одиночества и удовлетворенности жизнью в позднем возрасте // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. 2015. Т.1(67). №4. С.181-193.
13. Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск, 2019. 1280 с.
14. Краткий психологический словарь / авт.-сост. С.Я. Подопратора. Ростов н/Д.: Феникс, 2010. 318 с.
15. Xiong J., Lipsitz O., et al. (2020) Impact of COVID-19 Pandemic on Mental Health in the General Population: A Systematic Review. Journal of Affective Disorders. Vol. 277. P. 55–64. DOI: 10.1016/j.jad.2020.08.001
16. Латова Н.В. Ситуация в стране и перспективы ее развития через призму общественного мнения в период пандемии // Социологические исследования. 2021. №4. С. 37-49.
17. Daly M., Sutin A., Robinson E. (2020) Longitudinal Changes in Mental Health and the COVID-19 Pandemic: Evidence from the UK Household Longitudinal Study. Psychological Medicine: 1–10. DOI: 10.1017/S0033291720004432

References

1. Karapetyan E.A., et al. Cyber socialization as a factor of influence on the social health of student youth in a modern educational environment under the development of a global information society. *Revista Gênero e Direito*. 2020; Vol 9(4): 830-845.
2. Ioseliani A.D., Anisimov E.S. Loneliness in the COVID-19 pandemic. *Manuskript=Manuscript*. 2021; V.14. Issue. 5: 908-911. (In Rus.)
3. Pokrovsky N.E., Ivanchenko G.V. *The universe of loneliness: sociological and psychological essays*. M.; 2008. 424 p. (In Rus.)
4. Kasyanov V.A. Russian population in conditions of self-isolation regime: analysis of deprivation impact on social health. *Gosydarstvennoe b mynicipalnoe upravlenie. Ychenie zapiski=State and municipal management. Scientific notes*. 2020; (2): 204-208. (In Rus.)
5. Smirnova A.O. Social loneliness: essence, types, causes, methods of overcoming. *RGY=Bulletin of the Russian State University for the Humanities*. 2010; 3 (46): 161-175. (In Rus.)
6. Kislytsyna O.A. Long-term negative consequences of the covid-19 pandemic for public health. *Socialnie aspektyi naseleniya=Social aspects of public health*. 2021; 67 (4): 1-42. (In Rus.)
7. *Thesaurus of sociology: topic. words.-ref.* / ed. J.T. Toshchenko. M., 2009. 487 p. (In Rus.)
8. Sorotsky M.S. Virtual communication: social networks - loneliness or confession? *Tylskii gosydarstvennii pedagogicheskii universitet=Tula State Pedagogical University. L.N. Tolstoy*. 2012;14(133): 227-132. (In Rus.)
9. Gorshkov M.K., Tyurina I.O. State and dynamics of mass consciousness and behavioral practices of Russians in the context of the COVID-19 pandemic. *Vestnik Rossiiskogo universiteta dryzhbi narodov=Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia*. Series: Sociology. 2021; V.21(4): 739-754. (In Rus.)
10. Gorshkov M.K. *Russian society as it is (the experience of sociological diagnostics)*. M.: New Chronograph, 2011. 672 p. (In Rus.)
11. *Pandemic covid-19: Challenges, consequences, counteraction* / ed. A.V. Torkunov. M., 2021. (In Rus.)
12. Konareva I.N., Sergienko M.I. Peculiarities of loneliness and satisfaction with life at a later age. *Ychenye zapiski Krimskogo federalnogo universiteta=Uchenye zapiski of the Crimean Federal University.by I.V. Vernadsky*. 2015; V.1 (4): 181-193. (In Rus.)
13. *The latest philosophical dictionary* / comp. A.A. Gritsanov. Minsk, 2019. 1280 p. (In Rus.)
14. *Brief psychological dictionary* / ed. S.Ya. Podopigora. Rostov n/D.: Feniks, 2010. 318 p. (In Rus.)
15. Xiong J., Lipsitz O., et al. Impact of COVID-19 Pandemic on Mental Health in the General Population: A Systematic Review. *Journal of Affective Disorders*. 2020; V.277: 55-64. DOI: 10.1016/j.jad.2020.08.001
16. Latova N.V. The situation in the country and the prospects for its development through the prism of public opinion during the pandemic. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological research*. 2021(4): 37-49. (In Rus.)
17. Daly M., Sutin A., Robinson E. Longitudinal Changes in Mental Health and the COVID-19 Pandemic: Evidence from the UK Household Longitudinal Study. *Psychological Medicine*. 2020: 1-10. DOI: 10.1017/S0033291720004432

Информация об авторах

Н. Х. Гафиатулина – канд. социолог. наук, доц., докторант;
Г. А. Воробьев – докт. философ. наук, доц.;
А. М. Шевченко – докт. социол. наук, проф.

Information about the authors

N. Kh. Gafiatulina – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Doctoral;
G. A. Vorobyev – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor;
A. M. Shevchenko – Doctor of Sociological Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.02.2022; одобрена после рецензирования 26.02.2022; принята к публикации 27.02.2022.

The article was submitted 09.02.2022; approved after reviewing 26.02.2022; accepted for publication 27.02.2022.